

ДЕЛИКТОСПОСОБНОСТЬ ГРАЖДАНИНА КАК ЭЛЕМЕНТ ГРАЖДАНСКОЙ ДЕЕСПОСОБНОСТИ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И ЮРИДИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЙ

© 2008 Е.В.Рузанова

Самарский государственный университет

В статье на основе анализа психологических предпосылок деликтоспособности как правовой категории и ее места в системе других юридических понятий делается вывод о том, что деликтоспособность является структурным элементом дееспособности. В качестве элемента дееспособности деликтоспособность рассматривается как способность лица нести деликтную ответственность. Автором вносится предложение дополнить легальное определение гражданской дееспособности способностью гражданина нести гражданско-правовую ответственность.

В цивилистической литературе исследованию проблем деликтоспособности гражданина традиционно уделяется большое внимание. Особенность указанной конструкции заключается в том, что она имеет не только собственно юридическое содержание, но и обусловлена определенными психологическими предпосылками, учитываемыми законодателем. Дело в том, что участниками гражданских правоотношений могут быть любые граждане, независимо от возраста и состояния здоровья. Нести же гражданско-правовую, в том числе деликтную, ответственность могут лишь лица, способные руководить своими действиями и правильно оценивать их возможные последствия. С точки зрения возрастного критерия такая способность по законодательству возникает у граждан только с 14 лет, поскольку малолетние (в возрасте до 14 лет) рассматриваются законодателем как лица, неспособные в силу недостаточной психической зрелости разумно руководить своими действиями и правильно оценивать их последствия. Таким образом, уровень зрелости гражданина законодатель связывает с определенным возрастом, с наступлением которого должна возникать способность лица отвечать за свои поступки и нести за них ответственность. Как верно отмечает Т.И.Илларионова, в основе сделко- и деликтоспособности лежат определенные требования к уровню развития личности¹. Способность лица нести обязанности, служащие формой ответственности, от-

мечает автор, в прямую зависят от степени его волеиспособности².

В юридической литературе вопрос о понятии деликтоспособности является дискуссионным. Можно выделить два основных подхода к пониманию сущности данной правовой конструкции: одни авторы рассматривают деликтоспособность как способность к совершению правонарушений³, другие – как способность к несению ответственности за неправомерные действия⁴. Наиболее распространенным является поддерживаемый нами взгляд на деликтоспособность как способность лица нести гражданско-правовую ответственность. Именно в этом и проявляется непосредственная связь названных правовых категорий. Однако данное соотношение требует своего уточнения с точки зрения объема соотносимых понятий. Представляется, что о деликтоспособности можно говорить только применительно к деликтной ответственности.

Деликтоспособность непосредственно связана и с такими основополагающими понятиями как правосубъектность, правоспособность и дееспособность. Прежде всего, заслуживает внимания позиция авторов, придающих деликтоспособности качество «сквозной» категории, поскольку, по их мне-

¹ Илларионова Т.И. Структурные особенности некоторых деликтных обязательств // Избранные труды. – Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2005. – С.19.

² Там же. – С.52.

³ Братусь С.Н. Субъекты гражданского права. – М.: Госюриздат, 1950. – С.64.

⁴ Веберс Я.Р. Правосубъектность граждан в советском гражданском и семейном праве. – Рига: Зинатне, 1976. – С. 167; Гражданское право: В 4 т. Том 1. Общая часть: Учебник / Отв. ред. проф. Е.А.Суханов. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2006. – С.155.

нию, она присутствует как составная часть и в гражданской правоспособности и в гражданской дееспособности. Так, Я.Р.Веберс подчеркивает: «Деликтоспособность, представляя собой способность быть субъектом деликтной ответственности, одновременно должна рассматриваться как вид дееспособности и как элемент содержания правоспособности, поскольку гражданин, не обладающий деликтоспособностью, не может стать субъектом деликтной ответственности, а не только самостоятельно ее осуществлять»⁵. Поддерживая данный взгляд, Я.Н.Шевченко приходит к выводу, что по содержанию деликтоспособность включает в себя как способности, относящиеся к элементам правоспособности (возможность обладать правами и возможность иметь обязанности), так способности, относящиеся к дееспособности (способность самостоятельно осуществлять обязанности)⁶. Вызывает интерес подход к названной проблеме Т.И.Илларионовой, которая, с одной стороны, выделяет деликтоспособность в качестве самостоятельного элемента правосубъектности (наряду с правоспособностью и дееспособностью), а, с другой, – характеризует ее как «негативную сторону право- и дееспособности»⁷.

Изложенный аспект изучения деликтоспособности имеет большую научную ценность, поскольку он расширяет наши представления о содержании данного правового явления и его месте в системе родственных понятий. Действительно, как гражданин может осуществлять свои обязанности в форме гражданско-правовой ответственности без закрепления за ним законодателем такой обязанности на уровне сначала правоспособности, а затем дееспособности. Другое дело, каким образом (в какой форме) происходит (или должно происходить) такое закрепление: в виде ли общего правила о способности к несению обязанностей (правоспособность) и способности к их самостоятельному осуществлению (дееспособность), либо путем непо-

средственного указания на «негативный» характер такой обязанности. Представляется, что на уровне правоспособности вполне достаточно ограничиться закреплением общего положения о способности лица нести гражданско-правовые обязанности. Именно по такому пути и пошел современный законодатель (ст.17 ГК РФ).

Применительно же к дееспособности данный вопрос, на наш взгляд, должен быть решен именно в «негативном» ключе. К сожалению, современное легальное понятие гражданской дееспособности (ст. 21 ГК РФ) не в полной мере отражает ее содержание, поскольку ограничивается способностями гражданина своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их. Из содержания же статей 26 и 28 ГК РФ, закрепляющих дееспособность несовершеннолетних, следует, что законодатель отнес к дееспособности сделкоспособность, способность к договорной ответственности и деликтоспособность. Поэтому нами поддерживается высказанное в литературе предложение о необходимости дополнительного определения гражданской дееспособности способностью гражданина нести гражданско-правовую ответственность. Очевидно, что вопрос о психологических предпосылках деликтоспособности может ставиться только применительно к деликтоспособности как проявлению дееспособности.

В целях доктринального обоснования высказанной позиции обратимся к исследованию проблемы определения места деликтоспособности в структуре гражданской правосубъектности. Для этой цели определимся с понятием и содержанием последнего правового явления.

В юридической литературе правовое положение гражданина как субъекта гражданского права традиционно характеризуется через категорию «правосубъектность». Мнения ученых относительно сущности данной категории в значительной мере расходятся. Принципиальные различия в подходах заключаются в следующем: является ли правосубъектность обобщающей категории, состоящей из отдельных (составляющих совокупность) элементов (имеются в виду, прежде всего, правоспособность и дееспособность),

⁵ Веберс Я.Р. Цитир. соч. – С.168.

⁶ Шевченко Я.Н. Правовое регулирование ответственности несовершеннолетних. – Киев: Наукова Думка, 1976. – С.16.

⁷ Илларионова Т.И. Структура гражданской правосубъектности // Избранные труды. – Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2005. – С.52.

или же она выступает в качестве самостоятельной категорией, которая не сводится к указанным элементам.

В частности, известный исследователь проблем гражданской и семейной правосубъектности граждан Я.Р.Веберс выступал против отождествления правосубъектности с правосубъектностью. По мнению автора, последняя базируется на правоспособности и дееспособности, а не состоит из них⁸. Обоснованно возражая ему, Т.И.Илларионова пишет: «Рассматривая правосубъектность в качестве еще одной формы закрепления факта признания субъектом права, автор чрезмерно сужает содержание и не может доказать объективной необходимости этой категории»⁹. Представляется наиболее убедительным взгляд сторонников понимания правосубъектности как сложного правового явления, состоящего из определенной совокупности элементов¹⁰. При таком подходе данная категория не теряет самостоятельности, поскольку играет роль объединяющего понятия. Как верно подчеркивает В.Ф.Яковлев, правосубъектность прежде всего означает, что лицо, обладающее ею, признается субъектом отношений, урегулированных правом¹¹.

Следует подчеркнуть, что вопрос о количестве и объеме элементов, составляющих правосубъектность, является спорным. Мы присоединяемся к позиции авторов, рассматривающих гражданскую правосубъектность как совокупность гражданской правоспособности и гражданской дееспособности¹². Полагаем, что отождествление правосубъектности и правоспособности, имеющее место в лите-

ратуре¹³, практически приводит к отрицанию существования структуры правосубъектности, поскольку не выделяют ее элементов. В результате такого подхода одновременное использование названных понятий не имеет смысла.

Важно видеть, что освещенный ракурс изучения правосубъектности в литературе является преобладающим, но не единственным. Так, некоторые авторы считают ее категорией многозначной¹⁴. Здесь также вполне уместно сослаться на аргументированное мнение Т.И.Илларионовой, которая отмечает, что многозначность категории исключает структурное единство ее содержания, а, следовательно, и практическую ценность правосубъектности как правовой формы. В литературе также имеется позиция, отождествляющая правосубъектность с субъективным правом¹⁵. Действительно правосубъектность, как и другие однопорядковые правовые категории, безусловно, связана с субъективным правом. Однако субъективное право – это конкретная правовая возможность. Поэтому сведение общей возможности к правообладанию к одному виду возможностей, на наш взгляд, обедняет содержание категории правосубъектности.

Нельзя не отметить, что в литературе нередко сравнивают правосубъектность с другими общими понятиями, в которых находит отражение правовое положение субъектов права (правовой статус, например). Такой подход сам по себе интересен, однако в рамках данного исследования его изучение не видится необходимым.

В настоящее время в литературе вполне определенно сформировались два основных подхода к решению проблемы определения места деликтоспособности в структуре правосубъектности. Одни авторы рассматривают деликтоспособность в качестве самостоятельного элемента правосубъектности (наряду с гражданской правоспособностью и гражданской дееспособностью), другие же полагают,

⁸ Веберс Я.Р. Правосубъектность граждан в советском гражданском и семейном праве. – Рига: Зинатне, 1976. – С.23 – 24.

⁹ Илларионова Т.И. Структура гражданской правосубъектности // Избранные труды. – Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2005. – С.46.

¹⁰ См., например, Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве. – М.: Госюриздат, 1958. – С.5, 37; Илларионова Т.И. Структура гражданской правосубъектности // Избранные труды. – Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2005. – С.48 – 49.

¹¹ Яковлев В.Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. – М.: Статут, 2006. – С.101.

¹² Иоффе О.С. Развитие цивилистической мысли в СССР (часть 1). – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1975. – С.121.

¹³ Толстой Ю.К. К теории правоотношения. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1959. – С.11; Братусь С.Н. Субъекты гражданского права. – М.: Госюриздат, 1950. – С.6.

¹⁴ Гражданско-правовая охрана интересов личности. – М.: Юридическая литература, 1969. – С.41 – 42.

¹⁵ Явич Л.С. Проблемы правового регулирования советских общественных отношений. – М.: Госюриздат, 1961. – С.111.

что она входит в состав гражданской дееспособности.

Как отмечалось, сторонницей первого подхода является Т.И.Илларионова. По ее мнению, выделение деликтоспособности как самостоятельного элемента правосубъектности имеет определенное теоретическое и практическое значение. «Рассмотрение ее в рамках дееспособности, – подчеркивает Т.И.Илларионова, – не принесло науке какой-либо ясности в понимании данной категории, а в связи с этим не ставился и вопрос о ее функциональной роли»¹⁶. Как утверждает автор, юридическая значимость подобной внутренней дифференциации состоит в том, что она позволяет в законодательной практике сознательно разграничивать и увязывать объемы правовых возможностей и долга¹⁷. При дальнейшем освещении данного вопроса нами будет высказана позиция относительно излагаемого взгляда.

Среди представителей второго подхода нет единодушия относительно роли (места) деликтоспособности как элемента гражданской дееспособности. Это обусловлено различным пониманием как структуры самой дееспособности, так и объема деликтоспособности.

Так, Я.Р.Веберс, являясь сторонником второго взгляда, в структуре гражданской дееспособности, выделяет юридическую способность лица самостоятельно совершать правомерные юридические действия (дееспособность в области совершения правомерных юридических действий) и нести юридическую ответственность за правонарушения (дееспособность в области деликтных обязательств). Объединение этих способностей в общее понятие дееспособности, по справедливому замечанию Я.Р.Веберса, возможно благодаря одинаковым психологическим предпосылкам – «наличием у граждан необходимых умственных способностей, способности понимать значение своих действий и руководить ими, поскольку каждая из способностей зиждется на волевой способности гражданина»¹⁸.

В целом соглашаясь с данной точкой зрения, считаем необходимым высказать ряд уточняющих соображений. Автор изложенной позиции понимает под вторым элементом гражданской дееспособности только деликтоспособность, а способность «к созданию договорной ответственности» он рассматривает как проявление и развитие способности к совершению правомерных юридических действий. В то же время, по утверждению Я.Р.Веберса, нарушение обязанностей, «вытекающих из сделки, будучи противоправным поведением, не охватывается понятием сделки», а «способность своими действиями совершать сделку не охватывает способности к созданию для себя ответственности на случай нарушения договорных обязательств»¹⁹. При таком подходе способность лица к несению договорной ответственности оказывается за пределами гражданской дееспособности, как бы «выпадая» из ее структуры, что нельзя признать обоснованным.

В литературе имеет место и обратная трактовка данного элемента гражданской дееспособности: иногда предлагается включать в структуру дееспособности деликтоспособность, имея в виду «возможность нести самостоятельную имущественную ответственность»²⁰.

Интересной в связи со сказанным является позиция А.Е.Тарасовой, которая выделяет в структуре дееспособности способность к совершению юридических действий, в том числе сделкоспособность; способность к договорной ответственности; деликтоспособность²¹.

Представляется, что в структуру дееспособности следует включать все перечисленные автором элементы, однако ее первоначальное деление должно быть двучленным. По нашему мнению деликтоспособность не только не является самостоятельным элементом правосубъектности, но и не может выступать в качестве результата первого эле-

¹⁶ Илларионова Т.И. Структура гражданской правосубъектности // Избранные труды. – Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2005. – С.53.

¹⁷ Она же. – С.49.

¹⁸ Веберс Я.Р. Цитир. соч. – С.124 – 128, 135, 166.

¹⁹ Веберс Я.Р. Цитир. соч. – С.136.

²⁰ Гражданское право: Учеб. в 3 т. – Т. 1. 6-е изд., перераб. и доп. / Н.Д.Егоров, И.В.Елисеев, (автор гл. 6 – М.В.Кротов) и др. / Отв. ред. А.П.Сергеев, Ю.К.Толстой. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004. – С.117.

²¹ Тарасова А.Е. Особенности участия несовершеннолетних в гражданских правоотношениях. Дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на/Д. 2005. – С.74.

ментарного членения гражданской дееспособности. В связи с этим заслуживает поддержки позиция С.В.Осиповой, рассматривающей гражданскую дееспособность как совокупность двух основных элементов: способности к совершению правомерных действий и способности к несению гражданско-правовой ответственности. При этом первый элемент автор совершенно справедливо подразделяет на способность совершать сделки (сделкоспособность) и иные правомерные действия, а второй – на способность нести договорную и внедоговорную ответственность²². Деликтоспособность следует рассматривать как составную часть второго элемента гражданской дееспособности – способности нести гражданско-правовую (договорную и внедоговорную) ответственность. В то же время важно видеть, что и способность нести внедоговорную ответственность по объему не полностью совпадает с деликтоспособностью. Как верно отмечает Е.А.Суханов, «внедоговорную ответственность нередко называют также деликтной, связывая ее в основном с обязательствами из причинения вреда (деликтами)...». По мнению автора, сфера применения такой ответственности шире и охватывает все случаи возникновения гражданской ответственности в силу наступления обстоятельств, прямо предусмотренных законом (при отсутствии договора)²³.

Включение в состав гражданской дееспособности способности лица к несению гражданско-правовой ответственности в качестве самостоятельного элемента позволяет выделить в ее структуре однотипную группу способностей, имеющих, с одной стороны, внутривидовую градацию, а с другой – прин-

ципально отличающихся от группы способностей к совершению правомерных действий. Главное же различие между указанными группами способностей состоит в направленности волевых действий: при совершении правомерных действий воля лица направлена на достижение правомерного результата, при совершении же правонарушения воля лица на возникновение ответственности не направлена²⁴. В то же время отмеченная внутривидовая градация способности лица к несению гражданско-правовой ответственности является основанием для определенной дифференциации правового регулирования договорной и деликтной ответственности, а также для легального уточнения понятия гражданской дееспособности. Таким образом, способность субъекта нести гражданско-правовую ответственность как элемент гражданской дееспособности представляет собой единую категорию, охватывающую однородные явления, имеющие видовые характеристики (договорную и внедоговорную ответственность). Гражданско-правовая ответственность независимо от видов – это единая правовая конструкция. При этом нельзя сбрасывать со счетов и современные тенденции, заключающиеся в сближении договорной и внедоговорной ответственности.

²² Осипова С.В. Сделкоспособность несовершеннолетних в гражданском праве России. Дис. ... канд. юрид. наук. – Самара: 2007. – С.28.

²³ Гражданское право: В 4 т. – Т. 1. Общая часть: Учебник / Отв. ред. проф. Е.А.Суханов. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2006. – С.593.

²⁴ См.подробнее: Веберс Я.Р. Цитир. соч. – С.124 – 125.

TORT ABILITY OF THE CITIZEN AS AN ELEMENT OF CIVIL CAPACITY: PSYCHOLOGICAL PRECONDITIONS AND THE CIVIL LEGAL MAINTENANCE OF CONCEPTS

© 2008 E.V.Ruzanova

Samara state university

On the basis of the analysis of psychological preconditions of tort ability as a legal category and its place in the system of other juridical notions the article comes to a conclusion that tort ability is a structural element of capability. As an element of legal capacity delictual capacity is regarded as the ability of a person to be delictually responsible. The author's proposal is to introduce a legal definition of civil capacity as a capacity of a citizen to incur civil liability.